

Переводы

АЛЕКСАНДР Ф. ФИЛИППОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6544-9608

Макс Вебер в научной полемике. К публикации новых переводов

doi: 10.22394/2074-0492-2020-4-167-179

Всякий, кто принимается за изучение социологического наследия Макса Вебера по первоисточникам, вскоре представляет себе набор тех в высшей степени желательных для изучения текстов, на которые «все ссылаются» и которые по умолчанию, собственно, и считаются классическими. Конечно, это не касается узких специалистов, так или иначе ориентированных на куда более широкий круг чтения; речь идет именно о *нормальной науке* и о том, что, как правило, ожидается от продвинутых в теории ученых, желающих соответствовать требованиям своего цеха. Существует что-то вроде консенсуса, и более или менее хорошее знание нескольких текстов

167

Филиппов Александр Фридрихович — доктор социологических наук, ординарный профессор, директор Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Социологическое обозрение». Научные интересы: теоретическая социология, теория событий, социология пространства, политическая философия. E-mail: afilippov@hse.ru

Aleksandr F. Filippov — PhD in Sociology, professor ordinarius, Director of the Center for Fundamental Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Editor-in-Chief of the journal “Russian Sociological Review”. Research interests: theoretical sociology, theory of events, sociology of space, political philosophy. E-mail: afilippov@hse.ru

В данной научной работе использованы результаты проекта «Этика солидарности и биополитика карантина: теоретические проблемы культурно-политических трансформаций в эпоху пандемий», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г. Acknowledgment: The results of the project “Ethics of solidarity and the biopolitics of quarantine: theoretical problems of the cultural and political transformations during pandemic” carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021, are presented in this work.

Вебера — только одна его сторона. Другая сторона — это представление о Вебере как социологе и его эволюции.

Что же это за тексты? Рискнем предположить, что перечислить их нетрудно. Прежде всего, надо назвать *opus magnum* «Хозяйство и общество»¹, композиция которого приводит в отчаяние тех, кто рискнет над ней задуматься². Три тома сочинений по социологии религии, изучение которых чаще всего не идет дальше первой половины первого тома, т. е. «Протестантской этики» и сопутствующих ей работ; несколько сочинений, которые очень условно можно назвать методологическими, а также, конечно, доклады о науке и политике как профессии³. На полупериферии внимания остаются работы по экономической истории и социологии города и многочисленные политические труды, в которых анализ актуальных процессов, новаторские теоретические ходы и большие исторические обобщения часто перемешаны со злободневной публицистикой [Вебер 1994; 2001; 2001а; 2003]. Это не так уж мало и не так уж плохо, если учесть, что Вебер действительно писал почти все из названного⁴, а многое успел при жизни опубликовать, хотя и не в виде книг. Полезно помнить, однако, что ограничиваться кругом упомянутых работ — значит сильно, быть может, на несколько шагов отстать от современного состояния специализированного научного знания и упустить важные перспективы.

168

Конечно, если ставить вопрос совсем радикально, то надо будет сразу сказать, что планка сейчас поднялась очень высоко. Наследие Вебера — это в значительной степени огромные статьи, рассортированные по нескольким известным сборникам, а также рукописи большей или меньшей степени готовности. История их публикации не была простой. Посмертная слава классика связана не только с памятью о том уважении, которым он пользовался в ученом мире при жизни. Она основана не только на отдельных результатах его исследований, споры вокруг которых продолжаются уже больше

1 См. в русском переводе четырехтомное издание (под ред. Л.Г. Ионина): [Вебер 2016–2019].

2 Тенбруку не все удалось в его статье, но он смог показать, что нет резона принимать «Хозяйство и общество» за целостный и главный труд Вебера. Для нас важно, что Тенбрук еще почти полвека назад констатировал: «“Хозяйство и общество” лишь в исключительных случаях прочитывалось целиком и никогда не становилось предметом толкования в качестве целого» [Тенбрук 2020: 78].

3 Таков состав первого общедоступного собрания трудов Вебера, вышедшего с участием наших крупнейших специалистов [Вебер 1990]. Впрочем, историю публикаций Вебера на русском надо писать отдельно и обстоятельно.

4 Кое-что основано на записях лекций, а кое-что заново скомпоновано по рукописям издателями.

ста лет. Этой славы, как и освоения его результатов, не было бы без огромных усилий по изданию собраний его сочинений. В конечном счете «тот самый Вебер, которого знают все», хотя и в разной мере, это Вебер, изданный Марианной Вебер, Эдуардом Баумгартенем и значительно позже — Йоханнесом Винкельманом. То, что было сделано за первые несколько лет после его кончины, до сих пор оказывает влияние на рецепцию его идей, и репринты старых книг, копирующих издания столетней давности, сыграли не последнюю роль в том, как сформировалось понимание Вебера и в самой Германии, и за ее пределами¹. Тем более трудно переоценить то, что было сделано на пути более полного и корректного представления работ Вебера участниками недавно завершеного в Германии Полного собрания сочинений². В каком-то смысле это вызов всем, кто берется оценивать Вебера, развивать его или, в который уже раз, опровергать их. Лишь для примера укажем на впервые публикуемые подготовительные материалы для чтения курса по «практической национальной экономике». Возможно, с легкой руки недоброжелательного и едкого Шумпетера, а быть может, и в силу целого комплекса причин утвердилось мнение, будто в экономической науке Вебер не разбирался. Недаром эти слова Шумпетера³ (не без горькой иронии сопровождаемые высказыванием знаменитого своими исследованиями Парето Готфрида Айзермана о том, что лишь экономисты забыли своего коллегу) издатели тома поставили эпиграфом к вступительной статье [Weber 2020]. Теперь можно составить более полное представление и о его круге чтения, и о том, каким образом зарождались его идеи, возможно, слишком поспешно отнесенные впоследствии к сугубо социологическим. Вебер четверть века (с перерывами, разумеется) работал над экономическими источниками, и это обстоятельство не всегда осознается теми, кто берется ему

- 1 Йоханнес Винкельман уже после Второй мировой войны подготовил к изданию несколько томов Вебера и проделал огромную работу по реконструкции «Хозяйства и общества», книги, которая лишь в 1972 г. приобрела канонический вид, чтобы в самом кратком времени снова стать предметом ожесточенных дискуссий.
- 2 На странице издательства J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) можно посмотреть весь список томов и их состав. <https://www.mohrsiebeck.com/en/multi-volume-work/max-weber-gesamtausgabe-mwg-323700000>.
- 3 «На самом деле Вебер вообще не был экономистом. В атмосфере, не отягощенной профессиональными противоречиями, его, несомненно, следовало бы назвать социологом. Его исследования и преподавательская деятельность были связаны с возникновением экономической социологии как анализа экономических институтов» [Шумпетер 2001: 1079]. Здесь же Шумпетер говорит о «почти полной некомпетентности Вебера в экономической теории».

следовать, его критиковать и даже его замалчивать. С завершением выхода Полного собрания и эти установки, и многие прочие предубеждения насчет Вебера становятся просто неприличными.

К сожалению, перед отечественными исследователями и переводчиками Вебера стоят не только в высшей степени актуальные задачи по освоению Вебера на основе текстов Полного собрания. Очевидно, даже на предшествующем этапе сделано было далеко не все возможное и не всегда наилучшим образом. Простое сопоставление не полусотни томов Полного собрания, а хотя бы тех, что уже утвердились в качестве основного состава его текстов в старой редакции, с существующим корпусом русских переводов наводит на невеселые размышления. Ряд важнейших работ Вебера мы по-прежнему читаем в версиях полувековой и даже вековой давности, а это значит, что мы нуждаемся в новых или хотя бы пересмотренных переводах, казалось бы, хорошо известных трудов. Но не менее важным является и пополнение библиотеки веберовских текстов на русском переводами сочинений, ранее у нас не появлявшихся, хотя и вполне доступных для публикации.

170

И здесь мы сталкиваемся с тем же самым стихийным консенсусом читателей Вебера, о котором сказано выше, только надо упомянуть и другую его сторону. Способствуя довольно устойчивому интересу к Веберу и, что еще важнее, интеграции его сочинений в концепции социологического образования, этот консенсус парадоксальным образом также вредит науке, ограничивая внимание и понимание тех, кто занимается и фундаментальными, и более прикладными исследованиями. Вот почему и этот консенсус я бы хотел кратко охарактеризовать, не претендуя, конечно, на исчерпывающее понимание ситуации.

Считается, что Вебер — классик социологии, иначе говоря, он оказал решающее влияние на ее формирование как дисциплины. Сам он далеко не сразу пришел к пониманию того, какой должна быть новая наука, но после сравнительно недолгих лет, в течение которых он занимался историей права и социально-экономической проблематикой, Вебер создал несколько образцовых социологических сочинений, среди которых на первом месте стоит «Протестантская этика» и те статьи — по преимуществу, хотя и не исключительно, опубликованные в «Архиве социальной науки и социальной политики», — в которых он обосновал «свободу от ценностей», концепцию идеальных типов и понятие целевой рациональности. Только после этого, т. е. осознав масштабы стоящих перед ним задач в результате полемики вокруг «Протестантской этики», отвлекаясь на политические события вроде русской революции, к которым он относился с огромным интересом, и прочие формы активности, Вебер, с одной стороны, приступил к большому проекту по сравнитель-

ной социологии религий, а с другой, изложил свою обобщающую социологическую концепцию в книге «Хозяйство и общество». Все это, к сожалению, довольно далеко от истины, и спорить с этим тем более трудно, чем меньше внятных оснований приведено в пользу такой позиции, хотя у нее, конечно, есть своя история, которая когда-то будет написана.

Попробуем как можно более сжато объяснить, что здесь не так. Прежде всего, конечно, это безусловная идентификация Вебера как социолога, начиная с «Протестантской этики» и первых программных статей в «Архиве социальной науки и социальной политики». Необходимо не упускать из виду то обстоятельство, что ко времени этих публикаций социология не была новинкой в Германии и в мире. Если бы Вебер (и его коллеги) хотел назвать журнал социологическим, он бы так и сделал. Этого не произошло. Слово «социология» могло бы упоминаться, но не упоминается, и для того времени это принципиальное решение: сказать «социология» и сказать «социальная наука» — не одно и то же. И дело не просто в том, что ни одна из версий социологии его не устраивала. Достаточно нескольких сравнений. Так, один из ныне безупречно классических трудов по социологии Фердинанда Тённиса «Общность и общество» в первом издании 1887 г. в подзаголовке обещает «трактовку социализма и коммунизма как эмпирических форм культуры» — и никакой социологии во всей книге нет, если судить по терминологии! Георг Зиммель в эти годы старается именно социологию утвердить в качестве новой, перспективной дисциплины (он с 1894 г. развивал идею «формальной социологии»), но вот только один из его главных теоретико-социологических трудов носит название «Философия денег» (1900 г.), а наиболее полная и важная для социологии трактовка понимания содержится в его «Проблемах философии истории» (1892–1905 гг.) [Tönnies 1887; Simmel 1892; Simmel 1894; 1900]. Так что цепляться к терминологии не всегда уместно. Социологию в эти годы можно найти в Германии (в разных странах дела обстояли по-разному) как в сочинениях, которые прямо называются социологическими, так и в других, социологический характер которых стал ясен только в ретроспективе. Мы сегодняшнее понимание социологии (о единстве среди теоретиков и историков говорить не приходится, но во всяком случае они даже спорят между собой иначе, чем сто лет назад) опрокидываем в прошлое и пытаемся решить вопрос, был ли тот или иной автор социологом по сегодняшним меркам! Разумеется, и это может быть важно, но гораздо важнее то, что стоит у Вебера за понятием «социальной науки», пусть даже он и не называет ее социологией.

Вебер об этом пишет в программной статье «Объективность познания в социальной науке и социальной политике». Большой отрывок из нее мне придется процитировать в собственном переводе,

гораздо менее удобочитаемом, чем замечательный перевод М.И. Левиной, но в некоторых отношениях немного более точном (Ср.: [Вебер 1990: 359 и далее]).

«С самого начала предметы своего интереса журнал рассматривал как социально-экономические. Сколь бы не было малоосмысленно заниматься здесь определением понятий и разграничением наук, некоторую общую ясность относительно того, что это значит, мы все же должны внести.

Что наше физическое существование, равно как и удовлетворение наших самых идеальных потребностей повсюду наталкивается на количественную ограниченность и качественную недостаточность требующихся для этого внешних средств, что для удовлетворения их требуется планомерная подготовка и труд, борьба с природой и обобществление с людьми, это, выражаясь по возможности нечетко, составляет тот основополагающий факт, к которому привязаны все явления, которые мы в самом широком смысле называем “социально-экономическими”. Итак, качество процесса, т. е. то, что он “социально-экономический”, не есть нечто, объективно присущее ему как таковому. Напротив, оно обусловлено направлением нашего познавательного интереса, проистекающего из того культурного значения, которое мы в отдельном случае придаем соответствующему процессу. ...

172

Само собой разумеется, с одной стороны, область “хозяйственных” явлений текучая и не поддается четкому отграничению, а с другой стороны, конечно, “хозяйственные” аспекты некоторого явления отнюдь не “обусловлены” только “хозяйством” или имеют “только хозяйственные эффекты”; вообще явление сохраняет качество “хозяйственного” лишь постольку, поскольку интерес наш обращен исключительно на его значение для материальной борьбы за существование» [Weber 1922a: 161, 162].

Вебер далее объясняет, как связаны между собой социальная наука и социальная политика. Он отсылает читателя к деятельности немецкого Союза за социальную политику, к которой и сам был причастен, и говорит, что если раньше особую важность имели проблемы трудящихся, то теперь надо расширить круг тем и заняться также и другими классами. Подлинной целью журнала он объявляет «научное изучение всеобщего культурного значения социально-экономической структуры человеческой жизни в сообществах (*menschlichen Gemeinschaftslebens*) и ее исторических форм организации. Именно это и не что иное мы имеем в виду, называя наш журнал “Архив социальной науки”. Это слово должно здесь относиться к историческим и теоретическим исследованиям тех же самых проблем, практическое решение которых есть предмет “социальной политики” в самом широком смысле слова. ... Если называть дисциплины, рассматривающие процессы человеческой жизни под

углом зрения их культурного значения, “науками о культуре”, то социальная наука в нашем смысле относится к этой категории» [Ibid.: 165].

Конечно, подходить к этим словам *догматически* не имеет смысла. Вебер развился, менял и уточнял позицию. И все-таки недооценивать их невозможно. Вот на что надо сразу обратить внимание. Вебер определяет задачи социальной науки в связи с социальной политикой, а социальная политика неотделима — чисто исторически — от рабочего вопроса, от проблем отношения предпринимателей и трудящихся. В этом и заключается существо не только практического, но и теоретического вопроса: если только допустить, что экономика живет по своим собственным законам, то при чем здесь политика и почему она должна быть социальной? И почему вообще *социальная* политика, а не, допустим, экономическая? Рассмотрение этих вопросов увело бы нас очень далеко, но вот зафиксировать точку зрения Вебера мы можем. Вебер в полном согласии с принципами юго-западной школы немецкого неокантианства говорит о том, что специфику науки составляет не предмет, а метод. Метод связан с исследовательским интересом. Интерес позволяет отделять важное от неважного. Важное *имеет значение*, т. е. обладает ценностью. А если, как предлагает Риккерт, «понимать под культурой совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей» [Риккерт 1998: 59]¹, то и размещение социальной науки вместе с науками, изучающими «хозяйственные явления» в одной и той же области «наук о культуре», вряд ли может быть удивительным. Интерес экономический — именно познавательный интерес — изначально, но не исключительно связан с вопросами обеспечения физического существования и распоряжения ресурсами, это и есть хозяйственная деятельность, а поскольку с ней сопряжена «жизнь в сообществе» (попросту говоря социальная жизнь), то в зависимости от направления интереса вы будете обнаруживать, что ценным является (значение имеет) либо экономическое, либо то, что в узком смысле экономическим назвать нельзя. Борьба с марксизмом, который в это время часто именуют экономическим материализмом, не просто утверждение и демонстрация того, что культурные факторы имеют не меньшее, а иногда и большее значение, чем материальные, но именно рассмотрение хозяйственного и духовного как того, что имеет разную ценность как для людей определенной эпохи и социального положения, так и для исследователей с их разными

1 Цитированный выше текст Вебера Риккерт приводит здесь в подтверждение своей, исторически более ранней и философски более общей, позиции. Расхождения Вебера и Риккерта возникли позже.

интересами. Обратите внимание! Это не идеалистическое выворачивание Маркса наизнанку, т. е. не призыв снова вернуться к духовному вместо материального. Те, кто так трактует «Протестантскую этику» и позднейшие работы Вебера по социологии религии¹, совершают грубую методологическую ошибку. Для Вебера речь идет не о том, чтобы восстановить идеальное в его правах и опровергнуть Маркса при помощи возрожденной немецкой классики, все равно кого, Канта или Гегеля. Вебер рассуждает более эмпирически, но методологически отнюдь не наивно. За спиной у него Риккерт, и это, может быть, не лучший советчик по нынешним временам, но зато один из самых выдающихся философов своего времени.

Люди, говорит Вебер, совершают действия, потому что им что-то кажется важным, т. е. ценным, и с этой ценностью они соотносят свои цели. Конечно, обойтись без материального обеспечения своего существования они не могут, иначе было бы не о чем говорить. Их может заботить очень разное, и ранжируя приоритеты, они также и экономическую деятельность подчиняют своим представлениям о сравнительно более или менее важном. Таким образом, подлежащей изучению социально-экономической действительностью становится именно то, про что рассказывает не экономика отдельно от социологии, но вообще любая наука о культуре как наука о действительности: это реальность действия в его исторических условиях.

174

Разумеется, идя по этому пути, можно оказаться в области той самой школы в немецкой «национальной экономике», которая противопоставляет себя не только марксизму, но и всей политической экономике, изолирующей экономическое поведение и экономическую мотивацию как феномены особой природы. Поэтому Вебер, по мере того как он продвигается в своих изысканиях к более точному пониманию специфики социальной науки, с одной стороны, работает именно с проблематикой теории действия, поскольку это действие «экономическое», а с другой стороны, нащупывает ту собственно социологическую постановку вопроса, которая в конечном счете отличается от логики «наук о культуре». То, что Вебер размещается именно в теории действия, а не в более узко определяемой социологии (хотя социология для него, как мы помним, в позднейших текстах, это именно наука о социальном действии!), хорошо понимал Толкот Парсонс. Он сводил вместе в одном огромном фрейме² теории действия экономиста А. Маршала, социолога и экономиста В. Парето, социолога

1 См., в частности, в русском переводе О.В. Кильдюшова: [Вебер 2017].

2 Термин Парсонса «frame of reference of action» переведен у нас уже давно и прочно зафиксирован в литературе как «система координат действия». Пусть так и будет, но полезно иногда вспомнить оригинал.

Э. Дюркгейма и Вебера, которого в такой перспективе уж точно нельзя назвать социологом в том же самом смысле, в каком социологом мы называем Дюркгейма. Вебер создает социологию, конечно, не исключительно, но не в последнюю очередь из перспективы экономики, экономической науки и практики. И он имеет в виду теоретическое обслуживание социальных реформ и социальной политики отнюдь не в меньшей мере, чем культур-философское исследование последних вопросов смысла жизни и смерти. Вот почему полемика вокруг методических вопросов экономического поведения и трактовок культуры сопровождает становление его оригинальной концепции.

Важными вехами на этом пути становятся статьи, впервые публикуемые на русском в данном номере «Социологии власти». Обе они включены в собрание сочинений по наукоучению, т. е. тот самый сборник, который вот уже столетие — но, к сожалению, часто лишь фрагментарно — читают все, кто учится у Вебера [Weber 1922]. На русском была представлена пока что примерно половина входящих в него работ, пополнить коллекцию переводов уже давно было насущной задачей. Эти тексты лишь частично «говорят сами за себя», но перевод позволит работать с ними долго и планомерно. Ограничусь пока лишь несколькими замечаниями.

175

Отношения Вебера с Brentano заслуживают большого и подробного обсуждения. Луйо (Людвиг Йозеф, так немцы иногда сокращают длинные двойные имена) Brentano был крупнейшим немецким экономистом, принадлежавшим к катедер-социализму, мощному социал-реформистскому течению. Еще в 1918 г. он с гордостью писал, что «система Brentano», комплекс мероприятий в области экономики и социальной политики, которую связывали с его именем, не только не потерпела крушение в результате войны, но, напротив, именно в ходе войны доказала свою эффективность. Вебер был связан с Brentano еще по Союзу за социальную политику. Brentano, прекрасный знавший даже его самые ранние труды, живо откликнулся на «Протестантскую этику», правда, скорее негативно¹; последнюю кафедру в своей жизни — именно кафедру, которую занимал до выхода в отставку Brentano в Мюнхене, — Вебер занял в 1918 г. Все эти перечисления, конечно, говорят не особенно много о том, что могло бы представлять для нас особый исследовательский интерес.

1 Происходя из старой почтенной католической семьи, он не только в силу ученых занятий, но и, подобно Веберу, из личного опыта и семейных преданий имел глубоко личные представления о развитии современного капитализма. Многие построения Вебера он считал совершенно неприемлемыми. «...Я считаю также полностью неправильным предпринимаемое им [Вебером — А. Ф.] сведение воедино оценки мирского труда как поставленной Богом задачи с протестантизмом». См.: [Brentano 1926: 388, 389].

Статья, которая здесь публикуется, выглядит поначалу как сугубо экономическая. Это ложное впечатление. Мы видели, что для Вебера речь идет о том, чтобы поставить четкие границы, разделить социальную науку и социальную политику, и как раз для эффективной социальной политики нужна такая наука, которая бы иначе оперировала с точками зрения ценностей, чем это делает политика. Политика сама дает практические оценки, определяет, что важно и что неважно, как для рабочих, так и для капиталистов, т. е. прямо принимает оценки как руководство для действия, от которого они неотделимы. Наука же рассматривает должное как сущее, т. е. оперирует этими же ценностями с точки зрения того, как они претворяются в поведение людей, т. е. рассматривает их не как руководство (руководствуется она лишь ценностью истины), как элемент или аспект поведения¹.

176

И тут оказывается, что в поведение вообще-то много чего включено. И то же самое исследование экономического поведения можно выстроить на основе как бы вполне научных, более чем научных фактов! Ведь поведение человека мотивировано? Значит, надо изучить мотивы. Мотивы относятся к психологии, а психологию можно поставить на экспериментальную основу, *научным образом продлить исследование каузальных цепочек на большую глубину*. Политический энтузиаст и методологически несравнимо более наивный, чем Вебер, Брентано как раз идет по этому пути, на котором вроде бы все неплохо: вот тебе религиозные мотивы, вот материальные, а вот сравнительные ощущения от удовлетворения потребности, замеренные в психологическом эксперименте. Вебер с этим радикально не согласен. Он отстаивает против немецкой исторической школы в национальной экономии правоту маржинализма, но по существу говорит о принципах социальной науки, которые уже лежат в основе его социологии.

«А выдвигаемые экономической теорией общие принципы являются лишь конструкциями, которые говорят о том, какие последствия должно произвести действие отдельного человека в сплетении с действиями всех остальных, если каждый отдельный человек стал бы относиться к окружающему миру исключительно по принципам предпринимательской бухгалтерии, т. е. в этом смысле “рационально”. Как известно, это не так, и эмпирический ход тех процессов, для понимания которых была создана теория, показывает лишь

1 Эту точку зрения Вебера многие видные философы впоследствии решительно отвергли. Не говоря уже о Риккертe, надо назвать в первую очередь Макса Шелера, который уже в начале 1920-х годов выступил против Вебера (и Ясперса), а несколько позже, конечно, Лео Штрауса, который характеризовал Вебера как нигилиста. Любопытно здесь, пожалуй, лишь то, насколько самоочевидным, на грани банальности, является такой подход к ценностям для большинства современных социологов.

некоторое, очень различное в каждом конкретном случае “приближение” к теоретически сконструированному протеканию строго рационального действия. Однако историческая специфика капиталистической эпохи и тем самым значимость теории предельной полезности (и всякой экономической теории стоимости) для понимания этой эпохи заключается в том, что — хотя не без основания экономическую историю некоторых прошлых эпох характеризуют как “историю неэкономического” — в сегодняшних условиях жизни действительность все сильнее приближается к теоретическим принципам, захватывая судьбы все больших слоев»¹.

Модерн — это эпоха торжества рациональности, в том числе преобладания экономической рациональности над другими мотивами, и никакая психология не нужна, чтобы в реальности оказались значимыми те допущения, которые в экономической теории делаются, исходя из априорных допущений. Социология в некотором узком сегменте модерна оказывается равна экономической социологии, т. е. собственно экономике, поскольку идеальный тип экономически рационального поведения становится моделью понимания всей жизни в человеческих сообществах, а рациональные мотивы могут быть представлены как способы организации единичных событий действия, работающие в научных моделях по ту сторону всякой психологии.

Значение полемики Вебера с Оствальдом также невозможно переоценить. Правда, в отличие от Brentano, вклад которого в социальную политику и экономическую историю и сегодня невозможно недооценивать, значение трудов Оствальда, если где и сохраняется (о чем я не стану судить, дабы не выйти, пользуясь излюбленным оборотом Вебера, за пределы собственной компетентности), то, возможно, лишь в той специальной дисциплине, к которой он первоначально принадлежал. Однако подлинный смысл этой полемики для социологии состоит в другом. По существу, Вебер, конечно, реагирует на то «безмерное высокомерие, с которым представители естественных наук пытаются смотреть на работу других (а именно исторических) дисциплин, которые в соответствии с иными методическими целями идут иными путями»². Это не вопрос профессиональной этики или «спора факультетов», который однажды состоялся и с тех пор никому не интересен. Дело в другом. Подход Оствальда к социологической проблематике, к социальным вопросам, к исследованиям культуры — это какое-то вечное проклятие социальных и гуманитарных наук, в каждом поколении вынужденных заново отбиваться

1 Настоящее издание. С. 213.

2 Настоящее издание. С. 201-202.

от сторонников универсальной науки, решивших взяться, на наше общее несчастье, за то, в чем они не разбираются. Общий дух научности (как бы один и тот же повсюду), выставляемые в качестве очевидностей более чем спорные и наивные для гуманитария и социолога положения — все это побочные эффекты.

Главное все же состоит в другом. Вебер шаг за шагом показывает, что логическая несостоятельность построений Оствальда и его незнание важных фактов идут рука об руку. Ставка на универсальную научность не может сработать — это мы знаем и без Вебера. Но благодаря Веберу мы знаем также, что необходимо изолировать изучаемые явления, не допускать применения объяснительных методов одной области для явлений другой, не продолжать каузальные цепочки в те сферы, где они пресекаются. Актуальность каждого из аргументов Вебера против Оствальда может показаться не большей, чем вся эта «энергетическая концепция культуры». Но благодаря публикуемой статье с критикой Оствальда мы видим нечто именно сейчас актуальное и поучительное. Истина не торжествует сама по себе. Автономию и достоинство научного знания в социологии и теориях культуры надо защищать снова и снова, в каждом следующем поколении.

178

Библиография / References

Барт П. (1900) *Философия истории как социология*. Ч. 1, СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева.

— Bart P. (1900) *Philosophy of History as Sociology*. Part 1, St.Petersburg: Publishing House of L.F. Panteleeva. — in Russ.

Вебер М. (1990) *Избранные произведения*, М.: Прогресс.

— Weber M. (1990) *Selected Works*, Moscow: Progress. — in Russ.

Вебер М. (1994) *Избранное. Образ общества*, М.: Юрист.

— Weber M. (1994) *Selected Works. The Image of Society*, Moscow: Yurist. — in Russ.

Вебер М. (2001) *Аграрная история древнего мира*, М.: Канон-Пресс-И; Кучково поле.

— Weber M. (2001) *Agrarian History of the Ancient World*, Moscow: Canon-Press-Ts; Kuchkovo Pole. — in Russ.

Вебер М. (2001а) *История хозяйства. Город*, М.: Канон-Пресс-И; Кучково Поле.

— Weber M. (2001) *History of the Economy. City*, Moscow: Canon-Press-Ts; Kuchkovo Pole. — in Russ.

Вебер М. (2003) *Политические работы (1895–1919)*, М.: Праксис.

— Weber M. (2003) *Political Works (1895–1919)*, Moscow: Praxis. — in Russ.

Вебер М. (2016–2019) *Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии*, М.: ИД ВШЭ.

— Weber M. (2016–2019) *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*, Moscow: HSE. — in Russ.

Вебер М. (2017) *Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм*, СПб.: Владимир Даль.

— Weber M. (2017) *The Economic Ethics of World Religions: Experiences in the Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism*, St. Petersburg: Vladimir Dal. — in Russ.

Риккерт Г. (1998 [1910]) *Науки о природе и науки о культуре*, М.: Республика.

— Rickert H. (1998 [1910]) *Nature Sciences and Cultural Sciences*, Moscow: Republic. — in Russ.

Тенбрук Ф. (2020) Главный труд Макса Вебера. *Социологическое обозрение*, 19 (2): 76–121.

— Tenbruck F. (2020) Major Work by Max Weber. *Russian Sociological Review*, 19 (2): 76–121. — in Russ.

Шумпетер Й.А. (2001) *История экономического анализа*. В 3 т. В.С. Автономова (ред.). Т. 3, СПб.: Экономическая школа.

— Schumpeter J.A. (2001) *A History of Economic Analysis*. In 3 vol., ed. by V.S. Avtonomova. Vol. 3, St. Petersburg: School of Economics. — in Russ.

Brentano L. (1926) *Der wirtschaftende Mensch in der Geschichte. Gesammelte Reden und Aufsätze*, Leipzig: Felix Meiner.

Simmel G. (1892) *Probleme der Geschichtsphilosophie: Eine erkenntnistheoretische Studie*, Leipzig: Duncker & Humblot.

Simmel G. (1894) Das Problem der Soziologie. *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*, Bd 18: 1301-1307.

Simmel G. (1900) *Philosophie des Geldes*, Berlin: Duncker & Humblot Verlag.

Tönnies F. (1887) *Gemeinschaft und Gesellschaft. Abhandlung des Communismus und des Socialismus als empirischer Culturformen*, Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland).

Weber M. (1922) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen: Mohr (Siebeck).

Weber M. (1922a) Die Objektivität sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen: Mohr (Siebeck): 146–214.

Weber M. (2020) *Gesamtausgabe. Abteilung III: Vorlesungen und Vorlesungsnachschriften. Bd. 2. Praktische Nationalökonomie. Vorlesungen 1895–1899*. Hrsgg. von Janssen H. in Zusammenarbeit mit Meyer-Stoll C. und Rummel U., Tübingen: Mohr (Siebek).

179

Рекомендация для цитирования:

Филиппов А.Ф. (2020) Макс Вебер в научной полемике. К публикации новых переводов. *Социология власти*, 32 (4): 167–179.

For citations:

Filippov A.F. (2020) Max Weber in Scientific Controversies. On the Occasion of New Translations. *Sociology of Power*, 32 (4): 167–179.

Поступила в редакцию: 24.12.2020; принята в печать: 27.12.2020

Received: 24.12.2020; Accepted for publication: 27.12.2020